

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Кузнецова, Инга.
К89 Пэчворк. После прочтения сжечь / Инга Кузнецова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Городская сенсация).

ISBN 978-5-699-87275-6

Героиня этой книги могла быть любовью Чарльза Буковски и Генри Миллера. В знак протеста против абсурдных войн она объявляет голодовку и превращается в мутанта со стеклянными кишками. Спасает самоубийц и разговаривает на одном языке с аутистами. Читает чужие мысли. Делится на два «Я». Разыскивает подпольный «бойцовский клуб» и проваливается в бездны.

Она — лишь жертва, которая осмеливается сшивать куски разорванного города, разрезанного мира. Жертва играет с нами в шахматы. Начинает белыми. И... выигрывает.

Инга Кузнецова — поэт, прозаик, критик, эссеист. Автор пяти книг. Лауреат премии «Триумф» (номинация «Новые имена») и профессиональной премии поэтов «Московский счет».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87275-6 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Самые интересные новости — повседневная жизнь образов.

(частная глупость)

Уровень 1

(все сразу)

Я — человек-письмо. Я — человек-письмо. Когда мне становится слишком беспокойно, я вспоминаю и повторяю эту фразу. Твержу ее себе до полного обмякания лицевых мышц. До обмякания внутренних мышц условного лица.

Я — человек-письмо-в-бутылке. Письмо в бутылке. Не человек-бутылка. Не человек-копилка. Я — человек-письмо. Денег у меня почти никогда нет, почти не было и, значит, почти не будет. Благодарю тебя, банковская система, за изобретение карточек, и течение дня — за то, что не всегда доносишь меня до банкомата. Будь благословенно, течение дня, носящее меня по таким руслам, когда я... По руслам достаточных состояний. Беспечных

достаточных состояний. И состояний невыходимости.

Благодарю тебя, космос, за то, что я случайно-неслучайно существую. Нет, нет, сейчас я не пью! Держу в руке пустой бокал, люблюсь тонко стесанными гранями.

Встроенный самогонный аппаратик моего организма работает исправно. Алкоголь ни к чему. Молоко на губах не обсохло еще: где там подбородок, где Млечный путь — толком не разобрать.

Я — человек-письмо. Желтоватое письмо, тронутое коричневым по краям и свернувшееся в трубочку. Привет тебе, человек дождя. Привет, дожди. Привет, человеки.

К вопросу о бутылках и бокалах. В детстве, которое у меня, конечно же, было, и было резко счастливым, я собирала аптечные пузырьки. Меня завораживали оплывающие формы стекла. Я еще тогда не видела изделий стеклодувов — стеклодувы выжили в Прибалтике. Думаю, это тайный орден думающих о хрупкости. В детстве я не предполагала, что тексты — это тоже стекло. Я считала их пластмассовыми.

Здесь слишком многое нужно объяснить. Я сделаю это потом.

(углы)

Кто-то определенно хранит дураков. Кто-то определенно хранит меня в сумятице производимых мною противоречий. В вихре событий, выходящих за формат разумного. В смерче абсурдности, разметывающем смерть в пух и прах, разметывающем по углам*. Во всей этой каше кто-то определенно — антициклон.

*/По углам чего? Угловатого мироздания? Николай Кузанский был математически настроен и однажды сказал, что Бог — это окружность, центр которой везде. А края нигде. (Наверное, он все-таки хотел сказать «круг», но поторопился; а впрочем, все равно мысль — только проекция, и плоско все в этой мысли или объемно, уже не важно). Тогда получается, что Вселенная действительно угловата: она — многоугольник с бесконечным количеством углов, вписанный в такую окружность/.

Это я к чему? Похоже, я мастер создания опасных ситуаций — от самых простых до радикальных.

Сегодня началось невинно. Я проснулась слишком поздно, и обнаружила старый утюг включенным. Не смогла вспомнить, когда втыкала «вилку» в гнездо удлинителя. До того, как накануне днем выходила из дома, или после?

Почему, ложась спать, я не слышала характерных потрескиваний работающего «электронагревательного прибора»? Помешал привычный гуд включенного компьютера? Гуд в голове? Я укрылась двумя одеялами и смотрела под веками архаусный фильм про городских шаманов, снятый сквозь пламя.

Утром уютг был горячим. Лоб уже нет.

Испугаться я не успела. Только натянуть угольные «скинни», блузку Dolce&Gabbana из лилового шелка, с черными кантами на манжетах (безусловно, Кант оценил бы мой 36 размер и охотничьи навыки — я выудила ее на кладбище сброшенных иллюзий), а потом впрыгнуть в лодочки на шпильках. Ходить я на них почти не могу — только бежать, скользить, не зависеть.

Я успела набросить кожаный плащ цвета упавшей сливы, схватить рабочую сумку с карманами. И вылететь из дома.

(вранье)

На самом деле сегодня мне снилась мама, молодая, спящая в нашей прежней «хрущевой» квартире на широкой (и в реальности уже продавленной до впадины) тахте. Я вижу ее мечущееся

лицо, которое никак не может проснуться. Почему-то ни отца, ни сестры с нами нет. Сама я очнулась то ли от странного грохота в кухне, то ли от запаха; да, в этом сне даже были запахи. Это был уже не чад сгорающей органики — это был звук стрельбы и кислый запах плавки, изменения дна кастрюли, в которой мама с вечера поставила варить картошку в мундире, чтобы сделать оливье.

Как символ сытой устойчивости салат оливье всегда вызывал у меня сопротивление; с самого начала, едва обнаружилось его существование, я поняла, что в нашем движущемся мире он невозможен, он нелеп; что эти приготовления, эта основательность — ложь; что, кажется, сама идея такого блюда — тупиковая ветка, вроде аппендикса, уводящая от какого-то смысла — чего? Салат оливье — это символ (неспешности, Нового года, довольства, статики...) Тогда я еще не знала, что, вступая в битву с символами, я сама рискую перейти в символический план со всеми своими потрохами.

(пытка зеленым горошком)

Вот чего никогда не забыть.

Группка астеничных девочек ежедневно томится в ожидании мам над тарелками с обледенелыми

свекольными запеканками; над горками шариков цвета хаки. Кратковременное оживление вызывают обещания нянечки наложить это всем за шиворот. Радостно-невнятные крики розовощеких товарищей за окнами, гуляющих в сумерках на специально отведенном участке, звучат как радиореклама условной свободы. Бесконечность полдника. Страшные истории шепотом. Бесконечность подлинника.

Добро пожаловать в клуб будущих балерин, писателей, нонконформистов и самоубийц.

(сон/дым)

А в сегодняшнем сне все было так: на кухне то ли сумерки, то ли дымовая завеса, и мама — то ли мама, то ли я; маленькая я, стоящая над ней, перед этим (или одновременно с этим?) несколько раз пыталась прорваться на кухню и выключить конфорку, и, наконец, ей («мне») это удалось, но там уже полыхнуло. А мама-я не просыпается, она слишком устала на своей непонятной работе; ребенок-я до того придавлен своим мужеством, что не может оценить масштаб катастрофы. И все это слишком хорошо снято. И когда мама наконец просыпается, дочь, дрожа, говорит ей: «Не ходи туда».

Я видела все это глазами оператора, со стороны.

Проснулась со стиснутыми кулаками. До сих пор ноют суставы больших пальцев, втянутых внутрь, а сами пальцы до конца не распрямляются.

Уровень 2

(трехпадежный язык)

В моем языке нет падежа скота. В моем языке нет обвинительного падежа.

Это трехпадежный язык: имеет смысл говорить о бежательном падеже (бежать и упасть), лежательном падеже (упасть и лежать) и — о наиболее древнем и эффективном звательном падеже (упасть и звать на помощь). В первом случае можно проверить себя вопросом «куда?», во втором — «где?», а в третьем — «кого?». Но лучше не задавать никаких вопросов.

Я почти всегда бегу или лежу. Зову на помощь я только в самых исключительных случаях. Мне говорили: в младенчестве я не пошла, я сразу побежала. Иногда этот бег входит в противоречие с капитальным ступором. И тогда возникает ходьба — напряженная, механистичная, роботообразная. Впервые она вылупилась лет в одиннадцать — спасибо случайному эксгибиционисту. Было еще нападение с пистолетом в метро, но в переполненном вагоне некуда было идти.

А падать мне нельзя. Когда я бегу, внутри меня дзинькает то, что было моим пищеводом, желудком, кишками. Напоминая о хрупкости, о неустойчивости всего. Подчеркивая эту хрупкость и неустойчивость. Я не знаю, когда именно то, что произошло со мной, стало необратимым. Я никогда не любила ходить по врачам. А теперь я точно к ним не пойду. Я боюсь, что они направят меня на УЗИ. Врачи местной поликлиники ничего не должны знать о моих внутренних событиях.

(почему мы вообще)

Когда я пью, капли жидкостей, стекая по каким-то трубочкам, падают в стеклянные чаши, колбы и мензурки. Я догадываюсь об этом по звуку, и стараюсь пить немного, в основном воду. Сок я пью иногда, сок без мякоти, для ощущения цветности внутри своего тела. Мне нравится представлять себе эту химическую лабораторию, прозрачные колбы и колбочки разной формы. Я пью мелкими глотками и прислушиваюсь. Мне приходится быть очень осторожной. С поверхности кожи влага еще испаряется, иногда оставляя на ней апельсиновые разводы. Но...э...как бы это выразиться поэлегантней? Туалетные комнаты мне бывают нужны только для того, чтобы подновить стрелку

по краю ресниц или предпринять еще одну попытку замаскировать темные круги под глазами. Чиркнуть помадой по губам (я пользуюсь только алой помадой). С некоторых пор — только для этого. Удобно в поездках.

С некоторых пор (я не помню, когда это произошло) я больше не ем — в привычном смысле этого слова. Я питаюсь иначе. Я скрываюсь от гастроэнтерологов. Не выдавайте меня. Я не хочу быть объектом для изучения соответствующего НИИ. Мало того, что это страшно неприятно, но мне еще просто некогда. Я прекрасно осознаю, что не проживу слишком долго, а у меня есть серьезные задачи, над которыми еще ломать и ломать голову. Тем более что я догадываюсь, что, сколько бы ни было затрачено времени на обследование особенностей моего организма, заключения все равно получить не удастся. Ответа не будет. Да и причем здесь желудочно-кишечный тракт, когда неизвестно, почему мы вообще? Почему мы вообще.

(дзинь)

Я исповедую дзинь-буддизм. Я зависима от звука, всегда (и во сне) я слышу музыку, далекую дивную музыку. Раньше она казалась мне гармонией сфер, но что гармония сфер? Прекрасными

бывают и помехи. Может быть, это просто тихий звон стекла, возникающий от внутреннего дрожанья. Он всегда со мной на периферии слуха. Может быть.

Когда бежишь по плиткам, получается какая-то босанова (ударная доля приходится на толчковую ногу, мелодия же, как вьюнок, оплетает ритмический каркас с запозданием, слегка дребезжит).

А музыка извне... Что музыка извне? Эта хрустальная музыка так остро прекрасна, что трудно представить, как, отдельные и прозрачные, звуки ее вообще могут переходить один в другой, образуя непрерывность, ведь каждого звука — и только одного — уже достаточно, чтобы понять все: всю ласку уходящего, его прощальный свет, всю горечь, зашитую в подкладке подлинника. И ничего не может от нее защитит, но и не хочется защищаться. Она похожа на карточку, выброшенную из окна фотоателье тем из нас, кто совсем ничего не понимает в случайностях. В сидящую на корточках мужскую фигуру на слепой фотографии встраивается свернутая женская — точно подмышечный эмбрион, и обе иллюзорны. Но, может быть, мужская и вправду сидит. Я поняла: когда человек не любит (боится) фотографировать, на его фотографии может обнаружиться все, что угодно.

Из музыки может возникнуть что угодно. Я решаю ей все.

(птица)

Тут-то я могу делать, что хочу. Вот и говорю: птица фантомной боли. Пролетела.

(полевые колокольчики)

Запахивая плащ и теряя лодочки в бензиновых прудах, соскальзывая холодными пятками в темную воду, подцвеченную искусственной радугой, я спешу переступить избирательный порог. Я очень избирательна, но хочу отдать свой голос. Он тянется, как жевательная резинка, его не получается отдать. У меня много голосов. Когда долго не разговариваешь, твои голоса накапливаются — внутренние или внешние, не важно, — и они начинают говорить все одновременно. Столпотворение голосов. Поэтому осенью их нужно отдавать, но почему-то можно только по одному. Это странно, ведь я знаю, что, если отдам один, на его месте тут же возникнет два новых. Это как отрубить голову горынычу. Ничего никому не нужно отрубить. Ползют змеи, горят огни, рыночная экономика в виде толстой тетки лопают свои булочки.

Мне говорили — «на просторах нашей необъятной», и я понимала: вселенной. Любовь к своей вселенной, жалость к своей вселенной. О, да. Гордость. Гордость? Ну, чем же тут гордиться? Тем, что ты — песчинка в этой вселенной? А в той?

И все-таки я спешу отдать лишний голос за партию, которая могла бы достойно представлять меня в этом таком родном, продутом всеми ветрами пространстве. Она не могла бы отстаивать мои интересы. У меня специфические интересы. Мне интересна древесина абсурда, его годовичные кольца. Мне интересны многоступенчатые шутки в духе Вуди Аллена... Предвыборный список дрожит у меня в голове, а я все еще не могу определиться.

Первой строкой, я знаю, там идет «Партия ослепительного света» (кандидат от нашего округа — это просто звезда по имени Солнце; у кандидата темное прошлое, проступающее и сегодня фрагментарно, пятнами). Это традиционалисты, к их программе мы все давно успели привыкнуть. Она легко усваивается растениями, и это плюс. И все-таки здесь остаются сомнения (эти темные пятна портят всю малину).

Вторыми в списке значатся «Агрегатные состояния». Они могли бы объединить многих,

однако внутри самой партии всегда существовало множество разногласий. Я бы отдала свой голос за жидкость, но, кажется, в этой партии наиболее влиятелен газ, а он всегда имел склонность к самоуправству и даже самодурству, к бесконтрольному самораспространению. Неизвестно, чем это закончится, если они наберут наибольшее количество голосов.

Третьей следует «Партия звука»; их кандидат, кажется, имеет отношение к искусству. Это радикалы: поговаривали, что они заказали текст предвыборной платформы группе отчаянных какафонистов. Я не имею ничего против, но не могу уловить их вибрации.

Четвертыми идут «Запахи поперечника», объединенные эстеты. Мимо, мимо — хотя и остроумно. К сожалению, я ничего не смыслю в высшей математике.

Пятой выступает грубоватая «Твердая почва». Если из ее программы отжать критику других партий с их яркими представителями, то остался бы такой пшик, что при мысли об этом почва автоматически плывет под ногами...

Если честно, мне хочется отдать свой голос за «Полевые колокольчики». Я люблю